

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РОССИЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ-ИЗГНАННИКИ
В 1919–1945 ГГ.: ПРАГА, СОФИЯ, БЕЛГРАД»
15–16, 22–23 мая 2020 г.**

Обзор

Участники международной конференции, проведенная МЛРИД НИУ ВШЭ, сосредоточили внимание на деятельности конкретных мыслителей (П. М. Бицилли, С. Н. Булгаков и др.) и объединений ученых (Seminarium Kondakovianum). За границей после событий 1917 г. оказались российские мыслители, среди которых были евразийцы, неокантианцы, религиозные философы, последователи религиозного утописта Н. Ф. Федорова и др. Следует разграничивать понятия «эмигрант» и «изгнанник»: первые покинули страну добровольно, вторые по принуждению. Присутствие русских мыслителей существенно обогатило западную философскую традицию и способствовало объединению славянских народов.

Ключевые слова: эмигрант, изгнанник, евразийство, неокантианство, русская религиозная философия, религиозный утопист Н. Ф. Федоров, Seminarium Kondakovianum, философия искусства.

DOI

Когда государственный переворот в России в ноябре 1917 г. коренным образом изменил жизнь в стране, ее интеллектуальный потенциал был чрезвычайно высок во всех областях гуманитарного знания, в частности в философии. Этим объясняется отмеченное многими авторами влияние российских ученых, оказавшихся за рубежом, на западную науку. Участники международной научной конференции «Российские интеллектуалы-изгнанники в 1919–1945 гг.: Прага, София, Белград», организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, сосредоточили внимание на деятельности известных мыслителей и объединений, которые они создавали для сохранения и развития интеллектуальных российских традиций.

За границей из постреволюционной России оказались интеллектуалы, принадлежавшие к различным течениям и направлениям социально-политической и философской мысли — евразийцы, неокантианцы, феноменологи, религиозные философы, последователи религиозного утописта Н. Ф. Федорова и др. Катастрофа в России отдалась эхом по всей Европе и в том или ином виде затронула все государства, однако далеко не сразу это стало понятно — многие отмахивались

вались от предостережений русских философов. В ряде случаев правительства и интеллектуальные круги проявляли заинтересованность в поддержке изгнанников из России. Как подчеркнул во вступительном слове *В. К. Кантор*, сами интеллектуалы-изгнанники считали первым долгом осмыслить причины происшедшего. Немаловажно, что они интерпретировали русскую революцию как начало всеевропейской катастрофы, о чем и предупреждали, хотя не были услышаны. В этом контексте приход к власти в Германии *А. Гитлера* и последовавшая Вторая мировая война тоже оказалась в одной причинно-следственной цепи с большевистской революцией в России. Как и в каких направлениях происходило осмысление событий 1917 г., было показано в докладе *Л. Люкса* «Как евразийцы объясняли причины “русской катастрофы”». Одна из точек зрения — чуждость народу «петербургской модели» русской государственности.

Уже в названии конференции обозначена проблема, с которой необходимо считаться любому, кто занят изучением русской мысли за рубежом. Речь идет о необходимом различии понятий «изгнание» и «эмиграция». Говоря об эмигрантах, следует подразумевать круг тех, кто добровольно покинул страну. Изгнанник же — человек, вынужденно покинувший родину. К первым относятся, например, *Д. С. Мережковский*, ко второй группе — многочисленные пассажиры «философских пароходов», высланные из страны, причем альтернативой высылке в большинстве случаев являлась, как известно, смертная казнь. К третьей группе, довольно малочисленной, принадлежали те, кто не считали себя эмигрантами и не были изгнанниками, — таков *Е. И. Замятин*. Подробному доказательству позиции Замятина посвятил свой доклад «“Европейский корабль” Евгения Замятина: мысли о судьбе русской интеллигенции» *К. А. Барш*. Доклад «Значение Пражского архива как надежного хранилища летописи русской эмиграции. На примере личного архива *Иосифа Сергеевича Ильина*» *В. Жобер* посвятила мемуарному наследию офицера Белой армии, оставившего записки, недавно опубликованные в России. Их автор покинул родину добровольно, однако понятно, что его отъезд был вынужденным: в противном случае и его, и всю семью ждала бы гибель, ведь сам он по законам нового государства считался военным преступником. Существует еще один вопрос: кого из ученых-гуманитариев можно считать собственно философом, а кого следует относить к иной профессии, несмотря на то что им принадлежали работы по философской проблематике. Этот вопрос стал ключевым в докладе *Г. Никла* «Варианты русской философии в изгнании на чешской почве».

Одним из способов противостоять мировому злу для российских мыслителей, оказавшихся вне родины, оказалось создание профессиональных объединений. Таковым стал семинар имени *Н. П. Кондакова*, которому был посвящен доклад *Т. В. Чумаковой* «Чешский *Seminarium Kondakovianum* как мост между

Россией и Западом». Сопоставление концепций Н. П. Кондакова и Г. П. Федотова было сделано в докладе Ю. В. Клепиковой-Бабич «Два опыта исследования русской культуры и истории в эмиграции: Н. П. Кондаков и Г. П. Федотов». Братство святой Софии — еще одно объединение эмигрантов, действовавшее с 1923 г. в славянских столицах Европы. Его идейные вдохновители и их просветительская деятельность стали темой О. А. Жуковой «П. Б. Струве и институализация русской науки и философии в Праге и Белграде». Более подробно дискуссии богословско-философского характера, связанные с деятельностью этого общества, обсуждались в содержательном докладе О. А. Глебова «К содержанию религиозно-философских дискуссий русских мыслителей в эмиграции: Братство Святой Софии (Прага — Париж)».

Не только профессиональные объединения, однако, стали результатом деятельности изгнанников и эмигрантов. Как показал А. А. Корольков в докладе «Русская эмиграция 20–30-х годов как катализатор единения славянских культур», оформились и укрепились тенденции и к межнациональной консолидации. Р. Темпест, рассказывая о положении русских вне родины, недаром назвал выступление «Страна родственных умов: русские интеллектуалы в Болгарии». Он дал анализ состоянию болгарской интеллигенции и интеллектуальной культуры Болгарии времени Первой мировой войны, отметив русофильские настроения болгарской интеллектуальной элиты, чем объяснил понимание, которое изгнанники нашли в этой славянской стране. По сути, это было присутствие не только русских, но и русской культуры. М. С. Киселева в докладе «Д. И. Чижевский: идея славянского барокко как единства славянской культуры» подчеркнула, с одной стороны, важность исторического материала как основы понимания родства славянских культур, а с другой — показала осуществленную Чижевским возможность выявить особенность чешского, и шире, общеславянского барокко среди других европейских культур. Заинтересованности чешской интеллигенции в трансляции идей русского философа-утописта Н. Ф. Федорова был посвящен доклад А. Г. Гачевой «Fedoroviana Pragensia как русско-чешский культурный проект первой половины 1930-х годов». Теоретические аспекты проблемы и варианты ее решения с точки зрения философствующего поэта и ключевого деятеля Серебряного века получили освещение в докладе А. А. Дорониной «Вячеслав Иванов о славянском братстве: утопия или пророчество?».

Внимание исследователей было сосредоточено на вопросе о возможностях сближения России и Европы, несмотря на опустившийся «железный занавес». В деятельности изгнанников-интеллектуалов начала 1920-х гг. существовали проекты, в которых выражались надежды на преобразования в оставленной России. С одним из них познакомила коллег А. С. Туманова («Концепция создания новой России Павла Новгородцева: разрыв с классическим либерализмом или синтез

идей?»). Классическая русская литература XIX века остро чувствовала политическое и социальное напряжение, приведшее к катастрофе 1917 г. Прочтение в этой перспективе текстов Достоевского русскими эмигрантами стало темой доклада *Ю. И. Щербиной* «Достоевский — ключ к пониманию проблемы человека: обращение русской эмиграции в Чехии к творчеству Достоевского (А. Л. Бем)».

Неприятие свершившейся революции характерно не только для монархистов и др., как показывает пример *Е. В. Аничкова*, филолога, занимавшегося и древнерусской, и старо-европейской литературой и оставившего ценные исследования, посвященные отечественной словесности классического периода и Серебряного века. Аничков был убежденным народником и неоднократно подвергался преследованиям со стороны царского правительства. Однако его концепция развития литературы в корне отличается от утилитарно-народнических, представленных, например, в сочинениях *Н. К. Михайловского*. Труды Аничкова, посвященные вопросам эстетики, включали, в частности, анализ полемики между представителями «чистого искусства» и «утилитарного направления». В докладе *В. К. Кантора* «Русские изгнанники в Сербии: Герцен и Чернышевский — неостывшая проблема русской мысли (Евг. Аничков)» прозвучала мысль о том, что, согласно прочтению Аничкова, *Н. Г. Чернышевский* в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» заложил основы представлений, позже ставших основополагающими в произведениях русских модернистов. Однако это не единственный аспект творчества Аничкова, рассмотренный на конференции: *П. А. Блинникова* в докладе «Евгений Аничков в защиту Уильяма Шекспира» показала, что ученый стал едва ли не первым среди русских филологов, последовательно отстаивавших принадлежность Шекспиру всех произведений, опубликованных под его именем, в пике конспирологическим теориям о принадлежности драм и лирики иным лицам, пожелавшим скрыть свое авторство. Эстетический аспект превалировал над социально-политическими и в произведениях живописца *С. Т. Колесникова*: его популярность в Белграде и за пределами Сербии, с точки зрения *В. В. Калмыковой*, обусловлена созданием образа прекрасной утопической России, которой в реальности не существовало, — однако художественный образ восторжествовал над действительностью, о чем говорилось в докладе «Творчество Степана Федоровича Колесникова (1879–1955) в русле феноменологической эстетики, или Национальное достояние Сербии». В других случаях эстетическая деятельность была подчинена задаче выразить сущность важных в контексте того времени идей, в частности *Н. К. Рериха*, что приводило к появлению новых печатных изданий и к наполнению их редакционного портфеля. В докладе *И. Антанасиевич* «Философия в белградских номерах журнала “Оккультизм и йога”» показано, как периферийное издание может на время стать транслятором новых мировоззренческих установок. Особенности

жизни и деятельности представителей самого «интернационального» вида искусств был посвящен доклад *Т. Ю. Сидориной* «Русские музыканты в эмиграции 1919–1945: Прага, София, Белград».

Важной и характерной чертой конференции стало тематическое совпадение ряда выступлений, отличавшихся при этом концептуальным разнообразием. Так, одним из «героев» исследований стал П. М. Бицилли. Ему посвящались доклады *М. А. Васильевой* «Петр Бицилли и “Новый Град”», *Б. И. Пружинина* и *И. О. Щедриной* «“Культур безъязычных нет”, или Об актуальности методологической стратегии П. М. Бицилли», *Е. А. Тахо-Годи* «Диалог изгнанников: П. Бицилли и Ю. Айхенвальд». Рассматривая творчество Бицилли с разных сторон, выступающие отметили современность его воззрений. Еще одним персонажем, вызвавшим интерес у разных исследователей, стал С. Н. Булгаков, о котором говорили *А. П. Козырев* («Протоиерей Сергей Булгаков и его пражское окружение (1923–1925)» и *И. Ю. Ильин* («“Пражский период” (1923–1925) в интеллектуальной биографии С. Н. Булгакова»). Нельзя забыть и Г. В. Флоровского, о котором говорили *А. А. Тесля* («Концепция истории русской мысли Г. В. Флоровского: от диссертации о Герцене к “Путиям русского богословия”») и *Ф. А. Гайда* «Флоровский: на путях к “Путиям русского богословия”»). Оба исследователя привели богатый материал как фактографического, так и аналитического плана.

Особенности профессионального существования на чужбине раскрываются благодаря эпистолярию, хранящемуся в архивах Европы и России. *Т. Н. Резвых* в докладе «Н. О. Лосский в Праге (по материалам переписки с В. И. и Г. В. Вернадскими)» реконструировала важные события из жизни Лосского на основе анализа его переписки.

В целом конференция показала, что тема изгнанничества русских интеллектуалов в славянских землях в период от революции 1917 г. до окончания Второй мировой войны остается актуальной среди современных исследователей. Обнаруживаются как новые открытия в архивах, так и неожиданные тематические повороты и переключки с сегодняшним днем. Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ планирует ближайшие две конференции текущего года посвятить обсуждению проблемы культурного взаимодействия славянских стран как единства и различия внутри славянского ареала и в общеевропейском контексте.

От редакции

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“RUSSIAN INTELLECTUAL EXILES IN THE YEARS
OF 1919-1945: PRAGUE, SOFIA, BELGRADE”
May 15-16, 22-23, 2020

An Overview

The participants of International conference held by HSE MLRID focused on activities of concrete thinkers (P. M. Bicilli, S. N. Bulgakov, etc.) and associations of scientists (Seminarium Kondakovianum). After the events of 1917 Russian thinkers found themselves abroad. Among them were Eurasians, neo-Kantians, religious philosophers as well as followers of the religious utopian N. F. Fedorov and others. It is necessary to distinguish the concepts of “emigrant” and “exile”: the former have left the country voluntary the latter left the country under duress. The Presence of Russian thinkers enriched Western philosophical tradition significantly as well as contributed to unification of Slavic peoples.

Keywords: emigrant, exile, Eurasianism, neo-Kantianism, Russian religious philosophy, religious utopian N. F. Fedorov, Seminary Kondakovianum, Philosophy of art.